

Концепция Л. Витгенштейна о роли правил в языке: как сделать шаг с "гладкого льда" на "грубую почву"?

Путинцева Валерия Владимировна

Студент (магистр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Философский факультет, Кафедра онтологии и теории познания, Москва, Россия

E-mail: lera_gothic@mail.ru

Для раннего произведения Людвиг Витгенштейна - «Логико-философского трактата» - концепция правил в языке может быть охарактеризована так: правила логического синтаксиса определяют устройство предложения для элементарных знаков (имен) безотносительно к способу их употребления. Так, в «Логико-философском трактате» не идет речь о тех, кто осуществляет некоторые действия с естественным языком, то есть - говорящие на нем отсутствуют. Но, если предположить, что таковые имеются - правила логического синтаксиса будут скрыты от взора говорящих, будучи сокрыты под поверхностью естественного языка [4]. Иными словами, правила порождают логические следствия вне зависимости от осуществляемых говорящим практик (или трансформации этих практик).

Вместе с тем, согласно взгляду Витгенштейна, понимание повседневного языка осуществляется посредством чрезвычайно сложных «молчаливо принимаемых соглашений» [2, с. 54]. Бейкер и Хакер (оксфордские исследователи наследия Витгенштейна) распространяют этот тезис и по отношению к «следованию правилам» логического синтаксиса: «говорящие обладают молчаливым знанием этих скрытых глубинных грамматических правил логического синтаксиса, поскольку необходимо полагать, что они им следуют все время» [1, с. 13]. Образ действия говорящих на языке при подобном устройстве «правильной языковой машины» таков, что говорящие с необходимостью «следуют правилам». Говорящие не обладают возможностью трансформировать или изменять правила, поскольку в «Логико-философском трактате» связь между миром и языком, его правилами - устанавливается безотносительно к их существованию. Эта связь зафиксирована в отношениях между именем и объектом, она механически воспроизводится говорящими в предложениях.

Как трансформируется представление Витгенштейна о роли правил в языке? Мы разделяем мнение Я. Хинтиikka о том, что философское развитие Витгенштейна «не претерпело квантовых скачков от одного великого тезиса к другому» [3, с. 25], поскольку идея «Трактата» о «языке как деятельности, управляемой правилами» [4, р. 323] не была отброшена, хотя и претерпела существенные изменения в начале 1930-х годов.

Отсюда представляется, что функционирование языка и его правил в «Логико-философском трактате» не обладает динамичным характером, поскольку на лингвистическом горизонте отсутствует деятельный субъект. И, напротив, широта горизонта «Философских исследований» прямо пропорциональна деятельности субъектов, определяющих значения слов в зависимости от употребления слов (в соответствии с некоторыми правилами): «требованию [чистоты] грозит превращение в нечто пустое. Мы оказываемся на льду, где отсутствует трение, стало быть, условия в некотором отношении становятся идеальными, но из-за гладкости мы оказываемся не в состоянии идти. Мы хотим идти; в таком случае мы нуждаемся в трении. Назад, на грубую почву». [6, с. 51]. Исходя из предложенной выше оптики Я. Хинтиikka на трансформацию взглядов Витгенштейна, мы обозначим наше исследовательское предположение, созвучное метафоре о движении на льду. Оно таково: теория языка «Трактата» была подобна идеально гладкому льду, ослепительному в своем сиянии. Одновременно с этим, всякое движение на нем - невозможно. Желание идти

требовало возвращения «на грубую почву» повседневного употребления языка.

Исходя из вышесказанного, мы склонны считать, что шаг Витгенштейна на почву естественного языка в начале 1930-х годов был сделан под воздействием критического рассмотрения им же теории языка, представленной в «Трактате». Так, в конце 1920-х - начале 1930-х, Витгенштейн направляет исследовательский взгляд на повседневный язык, в котором значение того или иного слова утверждается благодаря согласованным человеческим практикам.

Отсюда представляется, что целью Витгенштейна в начале 1930-х - середине 1940-х годов становится, главным образом, исследование грамматики повседневного языка с центральной идеей о правилах, конституирующих значения слов [5, р. 57-63]. Правила, при этом, перестают пониматься как статичные конструкции, содержащие «в-себе» все способы своего применения, и более не таятся под поверхностью обыденного языка. Так, впоследствии, в концепции языка как «формы жизни» (представленной в «Философских исследованиях»), статус правил определяется способами их использования - практикой: «правило определяет, что является корректным, но то, что вообще существует правило, определяется сложной человеческой практикой» [1, с. 18].

Источники и литература

- 1) Бейкер Г.П., Хакер П.М.С. Скептицизм, правила и язык. М., 2008.
- 2) Витгенштейн Л. Логико-философский трактат // Витгенштейн Л. Философские работы. Часть I. М., 1994.
- 3) Хинтиikka Я. О Витгенштейне. Из «лекций» и «заметок». М., 2013.
- 4) Glock H.-J. A. Wittgenstein Dictionary. Wiley-Blackwell, 1996.
- 5) Medina J. The unity of Wittgenstein's philosophy: Necessity, Intelligibility, and Normativity. Published by State University of New York Press, Albany 2002.
- 6) Wittgenstein L. Philosophische Untersuchungen. Philosophical Investigations. Blackwell Publishing, 2009.